1-го НОЯБРЯ 1850 ГОДА. 5-й годъ. № 86

ВЫХОДИТЪ

два раза въ недѣлю: по Средамъ и Субботамъ. Подписка принимается: Въ Тифлисѣ: въ редакціи газеты и въ Губернской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С. Петер. Почтамта и, у книгопродавцевъ: Крашенинникова и Юнгмейстера. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта и въ книжн. магазинѣ Готье.

КАВКАЗЪ.

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовое изданіе съ пересылкою. . 8 р. с.
Полугодовое. . . . 5 » »
Для Тифлисскихъ жителей, на три мѣсяца. . . . . 3 »

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Газета печатаетъ съ платою за каждую букву по ¼ копѣйки серебромъ со всѣхъ объявленій, безъ всякаго исключенія.

СОДЕРЖАНІЕ: Тифлисъ.— Библіографія.— Еще Археологическое извѣстіе. — Гелатъ. — Метеорологическія наблюденія.

КАЛЕНДАРЬ: 1-го Ноября; С. Космы и Дмиіана.—2-го, С. М. Акиндина, П. Маркіана,—3-го, С. М. м. Анексимы, Іосифа и Пиктополіона.

ТИФЛИСЪ.

31 Октября. Обычно прекрасная осень — намъ измѣнила: дождь и холодъ, хотя непродолжительные, портятъ немногіе ясные дни. Окружные горы на сѣверѣ, покрыты снѣгомъ и при малѣйшемъ вѣтрѣ оттуда у насъ холодно, топятъ печи, а на разсвѣтѣ 27 числа, былъ даже морозъ, первый и слишкомъ ранній. Въ вышнюю же ночь, съ 4-хъ часовъ утра, такой поднялся сѣверный вихрь, что сорвалъ нѣсколько крышъ и мгновенными и сильными порывами колебалъ многія легкія тифлисскія строенія, дрожавшія, будто бы отъ землетрясенія. Холодный этотъ вихрь продолжалъ свирѣпствовать до 9 часовъ вечера.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ДОРОЖНИКЪ, по пути слѣдованія Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника, по Закавказскому краю, въ 1850 году, съ краткими описаніями этнографическими, статистическими и историческими. Составилъ О. Константиновъ. Тифлисъ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. 1850 года. Цѣна 1 р. с.

Извѣщая о появленіи книги г. Константинова, редактора газеты, для которой пишу, я не стану хвалить книги, чтобы не подать кому нибудь поводъ сказать, что перомъ моимъ водило пристрастіе и чтобы этою самою похвалою не повредить *Дорожнику*, который самъ за себя говоритъ, и не требуетъ моихъ похвалъ. Цѣль, съ которою онъ составленъ, видна изъ заглавія; я только ограничусь замѣчаніемъ, что *Дорожникъ* принесетъ пользу и удовольствіе всѣмъ пріѣзжающимъ въ нашъ край, интересный, но мало извѣстный. Онъ избавитъ ихъ отъ непріятности проѣхать по странѣ, не имѣя никакого понятія о прошедшемъ и настоящемъ положеніи этой страны. Онъ не безполезенъ и для здѣшнихъ старожиловъ, которые, чтобы справиться о какомъ нибудь мѣстѣ, должны прибѣгать къ нѣсколькимъ книгамъ, преимущественно написаныхъ на иностранныхъ языкахъ. Притомъ я долженъ еще сказать, что при составленіи *Дорожника*, кромѣ напечатаныхъ источниковъ, г. Константиновъ пользовался и необнародованными документами; по этому въ книгѣ есть свѣдѣнія, которыя нельзя отыскать въ другихъ сочиненіяхъ.

Чтобы читатели могли судить, какъ составленъ *Дорожникъ*, представляю изъ него отрывокъ, изъ очерка исторіи присоединенія Грузіи къ Россіи:

Пока Востокъ владычествовалъ надъ перешейкомъ Кавказскимъ, до тѣхъ поръ лилась на немъ кровь безпрерывно; обитатели его страдали подъ игомъ разноплеменныхъ азіятскихъ властителей. Съ водворенія христіанства, до братскаго сліянія съ Россіею, Грузія, въ продолженіе пятнатцати вѣковъ, имѣла только одну свѣтлую эпоху: съ 1080 по 1201 годъ, съ начала царствованія Давида Возобновителя, по день смерти царицы Тамары. Только тогда лишь праздновала она побѣды на отдаленнѣйшихъ граняхъ Кавказа; тогда лишь горы и долы, отъ моря къ морю, чтили и боялись имяни Иверіи, давали ей дани, народъ благоденствовалъ, и все, что теперь въ развалинахъ еще украшаетъ долины и заоблачныя высоты, въ неприступныхъ горахъ чествуетъ Христа, или смутно хранитъ Его въ воспоминаніи,—все это принадлежитъ къ той отдаленной 120 лѣтней эпохѣ, и въ особенности, къ свѣтлому царствованію Тамары.

Послѣ этого краткаго золотаго вѣка настали для Грузіи вѣка желѣзные, кровавые. Турки, Персіяне, Монголы, другъ у друга мечемъ изторгали Иверію; цари ея, вассалы того или другаго изъ борцовъ, часто отступничествомъ отъ вѣры покупали одну лишь тѣнь обладанія престоломъ Тамары, и за этотъ призракъ власти часто губили другъ друга; но народъ всегда оставался вѣрнымъ христіанству.

Наконецъ Шахъ-Надиръ убитъ; Персія слабѣла въ междуусобіяхъ; ханства Ширвани отдѣлились; въ Карталиніи царствовалъ Теймуразъ, въ Кахетіи его сынъ, Ираклій. Мужествомъ добылъ онъ себѣ царство изъ рукъ Надира, мужествомъ утвердилъ отца на престолѣ и мужествомъ стяжалъ Грузіи уваженіе сосѣдей и даже ихъ дани. Героя Ираклія съ дружиной всѣ призывали на помощь, даже шахи Персидскіе; честь, слава богатства доставались имъ въ удѣлъ и, казалось, что снова наставала для Иверіи свѣтлая эпоха Давида Во-

ГЕЛАТЪ (*).

Поворотивъ тѣмъ же путемъ назадъ, на дорогу Гелатскую, отъ Моцаметской пустыни, мы переправились въ бродъ чрезъ Красную рѣку и проѣхали мимо монастырскаго селенія, усѣяннаго садами. Видъ по пути къ монастырю, находящемуся на хребтѣ горы, болѣе поразителенъ, нежели въ Моцаметской пустыни. Съ одной стороны центръ Ахалцихскихъ горъ и основаніе Кутаиса, а съ другой, ледяныя Кавказскія горы, и ниже, фруктовые виноградные сады, которыми такъ щедро надѣлила природа Имеретію.

По приказанію игумена намъ была указана келья въ комнатахъ братій, въ которой расположившись, предположили нѣсколько отдохнуть и потомъ уже приступить къ тщательному обзору всѣхъ достопримѣчательностей Гелатскаго монастыря. Предположеніе наше на успѣхъ, основано было на благосклонномъ вниманіи духовнаго отца, съ какимъ встрѣтилъ насъ игуменъ. Послѣ двухъ часоваго отдыха, насъ неожиданно посѣтилъ только лишь прибывшій въ монастырь діаконъ Митрополита Давида, Иванъ Абашидзе. Готовность его сопутствовать намъ, тѣмъ болѣе, что онъ, посѣщая часто монастырь этотъ съ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Давидомъ, былъ совершенно знакомъ со всѣмъ замѣчательнымъ, и русскій языкъ, которымъ также владѣетъ хорошо,—насъ вполнѣ обрадовали и заранѣе обѣщали полный успѣхъ.

Мы отправились съ визитомъ къ игумену, съ которымъ побесѣдовавъ немного, получили предложеніе идти въ церковь, для указанія намъ драгоцѣнностей. И въ слѣдствіе этого, отправились за почтеннымъ духовнымъ отцомъ.

По правую сторону монастыря, при входѣ въ церковь Успеніе Божіей Матери, Абашидзе указалъ намъ могилу прикритую одною половиною желѣзныхъ воротъ Ганжинскихъ и разъяснилъ,—что эта могила принадлежитъ великому царю Давиду возобновителю, извѣстному своимъ рвеніемъ къ Богу и похвальными дѣяніями(*). Я спросилъ, гдѣ же другая половина вратъ? и мнѣ отвѣчали, что употреблена при поновленіи крыши монастырской церкви; за тѣмъ мы обратились къ первой половинѣ воротъ и Абашидзе, указывая на надпись, прочиталъ, что: »врата эти сдѣланы, во славу Бога благаго и милостиваго, Эмиромъ Шавиромъ, въ 455 г.—» О воротахъ этихъ довольно уже высказано и безъ меня, и потому, поклонившись могилѣ святаго Давида,—мы вошли въ церковь Успенія Божія Матери. Рядомъ есть еще двѣ церкви; наружный видъ всѣхъ трехъ простъ и не сохранилъ красоты архитектуры; но за то внутренность церкви Успенія Богоматери—поразительна правильностію размѣровъ и высшимъ выполненіемъ идеи зодчества. Въ храмъ входятъ подъ навѣсомъ хоровъ опоясывающихъ вокругъ пространство храма. Алтарь раздѣленъ на три части; иконостасъ не высокъ, каменный; вверху поражаетъ взоръ человѣка мозаическое изображеніе Матери Божіей,-даръ, какъ объяснили мнѣ, царю Давиду возобновителю Императора Алексѣя Комнина. Матерь Божія изображена стоящею, на золотомъ полѣ, на багряной землѣ, ее поддерживаетъ зеленое покрывало, а на немъ сидитъ божественный младенецъ, благословляющій міръ.

Послѣ того намъ указаны иконы; изъ нихъ замѣчательнѣйшія по древности, богатству убора и надписямъ, слѣдующія:

1) Хахульская, Божьей Матери, писанная, какъ гласитъ преданіе—Евангеистомъ Лукою и перенесена изъ разрушеннаго храма другой страны. Святая Дѣва, изображена безъ божественнаго младенца. Обращаясь къ драгоцѣннымъ ея украшеніямъ и надписямъ, я узналъ: что,—жемчужная риза, которою облачена Божія Матерь, и крупные перлы, есть даръ царя Давида возобновителя. Сіяющіе въ вѣнцѣ четыре большихъ лала и семь малыхъ, составляли повязку царицы Тамары и пожертвованы по слѣдующему поводу.

Въ одинъ изъ высокоторжественныхъ праздниковъ, Тамарь собиралась къ обѣднѣ въ Гелатскій соборъ и прикрѣпляла лалы къ царской своей повязкѣ; въ то самое время пришли къ ней съ извѣщеніемъ, что нищая проситъ милостыни. Царица сурово велѣла подождать нищей; но по выходѣ изъ палатъ, на вопросъ ея о нищей, получила отвѣтъ, что та, узнавъ о неудовольствіи царицы, боясь гнѣва ея, тихонько скрылась изъ терема. Гуть совѣсть заговорила въ смущенной, религіозной царицѣ и она упрекая себя, что чрезъ этотъ наряд сдѣлала противное Богу,—лиша куска хлѣба нищую, долженствующую, быть можетъ, томиться голодомъ, сняла свою повязку изъ лаловъ и произнеся: «я не достойна носить ихъ, въ то время, когда они напоминаютъ мнѣ мой непростительный поступокъ! Прими, Святая Богородица, этотъ даръ отъ меня, котораго Ты болѣе достойна и моли за меня грѣшную» надѣла на

(*) См. № 75 газ. Кавказъ 1850 года.

(*) Не ворота—трофей царя Димитрія. Прим. Ред.

зобновителя. Но судьбы отдалили это время, опредѣливъ прежде искупить его горьчайшими бѣдствіями, какія только можетъ перенести народъ, обреченный Провидѣніемъ самымъ страдальческимъ испытаніямъ.

Лишь только Персія и Турція были удалены отъ владычества царствомъ, явились еще злѣйшіе враги — Лезгины. Въ то время, когда цари собирали дани въ Персіи, съ горъ спускались массы Джарцевъ и Дагестанцевъ на грабежъ ихъ царства. Побѣждаемые неоднократно, они перестали являться полчищами, но за то ежедневно шайками вривались со всѣхъ сторонъ, жгли села и города и уводили сотни плѣнныхъ. Цари бросались за хищниками, наказывали ихъ безъ пощады, а въ это самое время, въ десяти другихъ мѣстахъ, пожаръ и вопли взывали на помощь. Неутомимый Ираклій поспѣвалъ повсюду; но отецъ его, Теймуразъ II, изнемогая въ страшной борьбѣ, отправился въ 1760 году просить Россію о помощи, и вскорѣ тамъ умеръ.

Ираклій одинъ продолжалъ отстаивать царство, и когда ничто не помогало, то онъ заключилъ условіе съ Омаръ-ханомъ Аварскимъ, по которому послѣдній обязался защищать Грузію отъ Лезгинъ за плату по 5 тысячъ рублей въ годъ. Но царь платилъ неисправно, и Лезгины, по прежнему вторгались ежедневно.

Между тѣмъ, въ одно время съ дѣйствіями генерала Медема противъ Закубанскихъ племенъ, союзниковъ Порты, для развлеченія силъ ея въ войнѣ съ Россіею, сперва графъ Тотлебенъ, потомъ генералъ Сухотинъ, очищали Имеретію отъ Турокъ. По окончаніи войны, по Кайнарджинскому тракту 1774 года, Турція признала Грузію, Мингрелію, Имеретію и Грузію независимыми.

Это событіе указало Ираклію, гдѣ должно искать помощи, гдѣ уже не разъ находили мирное убѣжище его предшественники и даже отецъ, Теймураза II. Въ 1783 году, Императрица Екатерина Великая приняла царя Кахетіи и Карталиніи, по просьбѣ его, съ царствомъ, подъ свою власть и покровительство, и вскорѣ, какъ было сказано выше, полковникъ Бурнашевъ, съ двумя баталіонами поспѣшилъ на помощь царю противъ Ахалцихскаго Сулейманъ-паши и Омаръ-хана Аварскаго, собравшихъ на Алазани 20 т. войска. Изъ Сигнаха царь съ Бурнашевымъ погнались за ними до Сурама, и когда Омаръ-ханъ, ограбивъ замокъ Абашидзевыхъ, ушелъ зимовать въ Ахалцихъ, тогда Ираклій съ русскими войсками отправился въ Ганжу и завладѣлъ ею. Бурнашевъ возвратился на Кавказскую линію, и Грузія, по прежнему, досталась нашѣ и хану на грабежъ и плѣненіе. Къ несчастію, Ираклій, уже дряхлый старецъ, по внушенію супруги своей, царицы Даріи, раздѣлилъ Грузію на удѣлы, между сыномъ отъ втораго и дѣтьми отъ третьяго брака.

Пришло время, когда властитель Персіи, евнухъ Ага-Мухаммедъ-ханъ Коджарскій, мечемъ добывъ шахскій престолъ, грозный, могущественный,—потребовалъ отъ Грузіи, древняго вассала Ирана, покорности и дани. Ираклій отказалъ въ томъ и другомъ.

Тогда Ага Мухаммедъ-ханъ, съ войскомъ изъ 50 тысячъ, противъ ожиданія минуя Шушу, вдругъ явился предъ Тифлисомъ, 8 Сентября 1795 г. Грузины оказали чудеса храбрости, но полчища одолѣли горсть окружавшихъ царя, покинутаго даже собственными дѣтьми.—Ираклій бѣжалъ въ Кахетію, а Персія ворвались въ столицу, грабили, жгли въ продолженіе 6-ти дней, убивая жителей, разоряя даже церкви, а митрополита Досиѳея низвергли въ Куру. Наконецъ, узнавъ, что вся Грузія вооружается и что Русскіе спѣшатъ на помощь, Ага-Мухаммедъ отступилъ и увелъ болѣе 3000 плѣнныхъ Тифлисскихъ жителей, не успѣвшихъ скрыться, Отряды его проникали до Гори и Душета; но во всей странѣ не находили живой души,—все бѣжало въ дальнія горы. Пламя и грабежъ уничтожили оставшееся.

Дѣйствительно Русскіе спѣшили—два баталіона при двухъ орудіяхъ, подъ командою полковника Сирикнева пришли въ Душетъ, но уже было поздно.

Одинъ всеобщій плачъ раздавался по всей Грузіи—на обширномъ пепелищѣ! Имущество, скотъ, все погибло. Не было хлѣба, не было денегъ, были только страданія, голодъ, хищники Лезгины и распространяющаяся моровая язва.

Императрица Екатерина, узнавъ о вторичномъ намѣреніи шаха опустошить Грузію, послала графа Валеріана Зубова остановить его губительное стремленіе. Къ осени 1796 года Зубовъ занялъ весь Ширвань и зимовалъ на Мугани. а генерала Римскаго-Корсакова послалъ въ Ганжу. Джаватъ-ханъ сдалъ ему крѣпость, и въ ней оставленъ небольшой гарнизонъ, а прочія войска расположились въ Кахетіи и Карталиніи. Подъ ихъ защитою стала отдыхать Грузія, но не на долго. Весною слѣдующаго 1797 года, съ кончиною Императрицы, корпусъ графа Зубова отозванъ въ Россію, а осенью того же года, возвратился на Линію и отрядъ Римскаго-Корсакова.

Предъ тѣмъ, Ага-Мухаммедъ-ханъ, на вторичномъ походѣ для разоренія Грузіи, былъ убитъ въ Шушѣ (въ Іюлѣ 1797 г.). Грузія, успокоенная присутствіемъ русскихъ войскъ, ликовала избавленіе отъ грознаго врага, но вскорѣ, 11 Января 1798 года, маститый герой ея, царь Ираклій, 80 лѣтъ отъ рода, послѣ шестидесяти лѣтняго царствованія, скончался въ Телавѣ, на той самой постели, на которой родился.

Старшій сынъ его, Георгій XIII, вступилъ на престолъ—Лезгины злодѣйствовали, чума свирѣпствовала, народъ скрывался въ горныхъ дебряхъ на неприступныхъ скалахъ; города, селы были въ запустеніи, и, отъ этого царства, оспариваемаго у наслѣдника царя Георгія, Давида, сыновьями царицы Даріи, потребовалъ денегъ и подданства новой шахъ Баба-ханъ.

Георгій велѣлъ послу своему въ Петербургѣ (*), просить Императора Павла, на основаніи трактата 1783 года: объ утвержденіи себя царемъ Грузіи, сына Давида наслѣдникомъ престола и о присылкѣ отряда войскъ.

Высочайшая грамота 18 Апрѣля 1799 года, утвердила желаніе царя и вмѣстѣ съ тѣмъ, полкъ генерала Лазарева вступилъ въ Грузію. Русскихъ встрѣтили въ Тифлисѣ 26 Ноября 1799 года, какъ Богомъ посланныхъ защитниковъ.

Семейная распри многочисленныхъ дѣтей Ираклія и тяжкая болѣзнь царя Георгія, побудили его къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Царскіе посланники (*) отправились въ Петербургъ изъ Тифлиса 25 Апрѣля 1800 года, благодарить Императора Павла за щедроты, изліянныя на Грузію, и вмѣстѣ, съ тайнымъ порученіемъ: вручить царство Грузинское въ полное и совершенное подданство Россіи, на условіяхъ, обезпечивавшихъ царя, и его собственное семейство.

Вскорѣ, для подкрѣпленія Г. Лазарева, прибылъ въ Тифлисъ (23 Сент. 1800 г.) полкъ генералъ-маіора Гулякова и съ прежними войсками составилъ въ Грузіи отрядъ изъ 3,000 человѣкъ при 7 орудіяхъ. Войска эти, въ соединеніи съ Грузинами, разбили, 1-го Ноября, на Іорѣ, близь с. Кагабета, двадцати тысячное скопище Лезгинъ и Дагестанцевъ Омаръ-хана Аварскаго, при которомъ былъ и царевичь Александръ.

Тогда уже царь Георгій лежалъ на смертномъ одрѣ и съ нетерпѣньемъ ожидалъ возвращенія своихъ пословъ, а между тѣмъ, братья царя готовились, въ минуту его кончины, поднять борьбу съ дѣтьми его, запрестоло-наслѣдіе.

22 Декабря, послѣдній царь Грузіи, Георгій XIII,—скончался.

Генералъ Лазаревъ тотчасъ объявилъ собранію царевичей, князей и духовенства, волю Государя Императора, чтобы до полученія Высочайшаго соизволенія, не былъ избираемъ преемникъ престола.

8 Января 1801 года, прибыли въ Тифлисъ послы Георгія и подали Давиду Императорскую грамоту, съ утвержденіемъ условій подданства Грузіи, предложенныхъ его отцемъ. Собраніе князей и народъ приняли это съ восторгомъ, и благодарственная грамота, съ изъявленіемъ общаго согласія на подданство, была тогда же отправлена въ Петербургъ.

Между тѣмъ, царевичь Давидъ объявилъ всей Грузіи, что на основаніи 2 пункта Высочайше утвержденныхъ условій, онъ принялъ управленіе царствомъ. А дѣти Ираклія, вооруженною рукою домогались принудить народъ признать царемъ Грузіи старшаго изъ нихъ, царевича Іулона. Русскіе войска всюду разстраивали ихъ попытки.

16 Февраля, въ Сіонскомъ Соборѣ всенародно прочитанъ былъ Высочайшій Манифестъ 18 Января 1801 года, о присоединеніи на вѣчныя времена Грузинскаго царства къ Имперіи Россійской, въ видѣ губерніи.

Народъ съ радостію присягалъ и кричалъ съ восторгомъ: «мы теперь Русскіе!»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ-лейтенантъ Кнорингъ, первый Главнокомандующій Грузіи, получилъ слѣдующій достопамятный, собственноручный рескриптъ Императора Павла (20 Января].

„Старайтесь Грузію утвердить на томъ основаніи, какъ уже къ вамъ и писано. Не ищите иныхъ пріобрѣтеній дѣлать, какъ тѣ, которыя добровольно будутъ искать Моего покровительства. Лучше имѣть союзниковъ интересованныхъ въ союзѣ, нежели подданныхъ ненадежныхъ. Лѣвая ваша сторона обезпечена таковыми. Не наводите Туркамъ страха, тогда и правая сторона будетъ надежна. Ищите Арменію интересовать къ сближенію для торгу и торгомъ, дабы каналъ имѣть чрезъ нихъ и далѣе. Соблюдите привилегіи, но установите нашъ порядокъ. Комплектуйте старые полки нашими рекрутами, но полковъ мало по пространству, и такъ сочтитесь, не можете ли умножить тамошними жителями. Ищите рудъ всякаго рода и промысловъ также, а таможни перенесите на границу. Займитесь теперь не завоеваніемъ. пріобрѣтеньемъ, добровольнымъ соглашеньемъ Арменіи. Вотъ

(*) Князю Герсевану Чавчавадзе.

(*) Князья: Чавчавадзе, Аваловъ и Палавандовъ.

вѣнецъ Богоматери. Далѣе, богатое ожерелье изъ крупныхъ жемчужинъ, есть тоже даръ царицы Тамары. Поводъ приношенія его, какъ разсказалъ мнѣ игуменъ, былъ слѣдующій: ожерелье это принадлежало Эмиру Арабскому Кіасъ-Султану, предводителю Халифа Багдадскаго и досталось ея супругу, Давиду прекрасному, во время разбитія войскъ непріятеля. Здѣсь есть надпись, которую съ трудомъ могъ прочитать Абашидзе, а тѣмъ болѣе перевесть на русскій языкъ; содержаніе надписи слѣдующее:

»Богъ Отецъ! Ты создалъ все изъ ничего. Духъ Божій и Святая Тройца сохраняясь во единомъ Твоемъ божествѣ, создали изъ земли перваго человѣка. Ты, Боже мой, благоговѣйно удерживалъ прародителя отъ грѣха и тогда не лишилъ его милостей, когда онъ впалъ въ искушеніе. Ты, Мать Святая, произвела вѣчнаго младенца, Искупителя міра, видѣла и болѣло Твое Святое матернее сердце—когда Твой возлюбленный Сынъ страдалъ за спасеніе міра и пріялъ мученическій вѣнецъ«.

»Ты, меня, Тамарь, благоволила помазать и быть матерью любимаго народа. Обладая царствомъ, приношу Тебѣ въ даръ: халифовъ знамя и ожерелье. Моли, Святая Мать за меня и царство, Бога милостиваго, всесильнаго»!

Окладъ иконы изъ чистаго золота, по бокамъ онаго эмалевые круги съ рѣзанымъ изображеніемъ: Спасителя, Ангеловъ, 3-хъ Святыхъ, Николая Чудотворца и друг. угодниковъ. Подлѣ Хахульской иконы, хранятся мощи, часть черепа Побѣдоносца Георгія и мучениковъ Димитрія и Ѳеодора и другихъ. А подъ стекломъ въ ракѣ, изображающей золотое сердце унизанное жемчугомъ и другими каменьями, часть сударя Господня, коимъ было обвито чело Его при погребеніи.

2) Ацхурская, Божіей Матери, перенесена, какъ говорятъ, изъ Боржома; въ золотой ризѣ; внизу ея надпись: «царь Георгій и супруга его Тамарь, съ сыномъ Александромъ, пожертвовали ризу».

3) Гелатская, Божіей Матери, съ младенцемъ и архангелами по сторонамъ. Эта икона вычеканена изъ ее ребра и вызолочена; древнѣе гораздо Ацхурской.

4) Спасителя, большая икона, въ серебряной ризѣ.

5) Божія Матерь,—большая и драгоцѣнная икона съ предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ, на золотомъ полѣ. вѣнецъ Богоматери изъ крупныхъ гранатъ, жемчуга и бирюзы. Царь Багратъ стоитъ на колѣнахъ предъ Матерью Божіею, на немъ голубая мантія, подбитая горностаемъ и корона.

Осмотрѣвши иконы, мы обратились къ изображеніямъ выбитымъ на стѣнахъ церкви. Изъ ихъ числа намъ показали: католикоса Захарія, царя Константина и царицу Елену; Давида, держащаго въ рукѣ церковь Гелата; вблизи его Багратъ и супруга его Елена. Много еще изображеній украшающихъ стѣны церкви, но къ сожалѣнію, не могли намъ разъяснить кого онѣ представляли. Изъ книгъ намъ было показано довольно рукописей, но всѣхъ древнѣе, писаное на пергаментѣ, съ картинами, въ IX вѣкѣ, Евангеліе Грузинское,—рукопись Св. Георгія Аѳонскаго.

За симъ мы осмотрѣли ризницу и царскія облаченія древнихъ временъ. Намъ показали: а) осыпанные бирюзою золотые дискосы и чаши и митру, унизанную жемчугомъ, католикоса Максима 1795 года; б) кованный золотомъ поясъ съ жемчугами и ризы, чеканенныя и унизанныя тоже жемчугомъ; в) омоѳоръ съ ликами святыхъ Спиридона и Кирилла и 12-ть праздниковъ всѣ въ жемчугѣ. г) Костяной святительскій посохъ и два креста царя Баграта. д) Корону Баграта, изъ парчи, унизаной жемчугомъ; на шести ея зубцахъ небольшіе кресты, изъ перловъ и яловъ. седьмой крестъ изъ дорогихъ камней; на верху изображены нитые жемчугомъ: Спаситель, три Іерарха и четыре Евангелиста, а внизу Тайная Вечерь. ж) Перстень царя Давида, съ мощами Св. Георгія.

Въ другомъ придѣлѣ, во имя Андрея Первозваннаго, находится могила, какъ утверждаютъ, великой царицы Тамары; а въ третьемъ, св. Марины,—могилы супруги царя Соломона и сына его.

Осмотрѣвши всѣ эти замѣчательности, мы были остановлены колокольнымъ звономъ, призывавшимъ иноковъ къ вечернѣ и отслушавши ее,—поклонились святымъ иконамъ и вышли изъ храма Успенія Богоматери. При выходѣ намъ указали келью, неизвѣстнаго молчальника. 30-ть лѣтъ этотъ невѣдомый труженикъ, переноситъ столь трудный подвигъ, съ теплою вѣрою и строгостію.

Солнце клонившееся къ западу, разливало лучи свои по окрестнымъ мѣстамъ монастырскаго строенія, и мы вновь налюбовавшись живописною панорамою природы, скрылись въ свою комнату. Едва я успѣлъ сдѣлать замѣтки карандашемъ, осмотрѣннаго нами, насъ позвали раздѣлить трапезу; окончивши ужинъ и поблагодаривъ за готовность, которою насъ удостоилъ почтенный отецъ игуменъ, — мы отправились на ночлегъ.

Тихая лунная ночь разливала трепетный свѣтъ по ущелью и на серебристыя потоки Красной рѣки, и мы невольно подарили нѣсколько часовъ созерцанію этой ночи, въ бесѣдѣ съ радушнымъ діакономъ Абашидзе, на чистомъ воздухѣ. Утромъ, съ разсвѣтомъ, и помолившись Богу, мы отправились въ путь. *Шереваленко.*

Мои мысли. Чтобы всѣ прибавки и заведенія, не превышли тамошнихъ доходовъ.»

Государь Императоръ повелѣлъ, при первой возможности ввести въ Грузію войски и объявить царевичамъ и князьямъ, что желаетъ видѣть ихъ, какъ новыхъ подданныхъ, для изліянія на нихъ своихъ милостей.

Не всѣ царевичи вняли этому призывному голосу великодушнаго монарха.

Вскорѣ затѣмъ пришла вѣсть о окончинѣ Императора и скорьбь народа, боявшагося, чтобы Русскіе не оставили ихъ, достигала до отчаянія. Дѣйствительно, генералъ Кнорингъ получилъ Восочайшій рескриптъ Императора Александра Благословеннаго, въ слѣдующихъ выраженьяхъ:

« . . . . При возшествіи Нашемъ на престолъ, нашли Мы, что царство сіе по всѣмъ государственнымъ актамъ, присоединено уже къ Имперіи и въ семъ качествѣ объемлемо всею святостію учиненной Намъ отъ всѣхъ нашихъ вѣрно-подданныхъ присяги. Въ таковомъ положеніи дѣлъ и при облежащей страну сію Нашей воинской силѣ, могли бы Мы считать власть Нашу въ ней непоколебимо утвержденною, тѣмъ болѣе, что по дошедшимъ до насъ предварительнымъ свѣдѣніямъ, удостовѣрены Мы, что желаніе и полномочія возвратившихся посланниковъ, съ принятыми мѣрами, совершенно сообразны. Не скроемъ Мы также отъ васъ, что достоинство Имперіи, безопасность Нашихъ границъ, виды Порты Отоманской, покушенія и порывы горскихъ народовъ, всѣ уваженія собственныхъ Россіи пользъ, отъ давнихъ временъ заставляли правительство помышлять о семъ происшествіи и желать сего событія. Измѣряя существо его единственными Нашими выгодами, Мы не можемъ не признать всей ихъ силы; но пользамъ царствъ земныхъ, въ правилахъ вѣчныхъ предустановлена другая мѣра, единая, истинная и непреложная: справедливость и неприкосновенность къ общенародному праву. Во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ Нашихъ положивъ себѣ сію истину въ неподвижное основаніе, въ слѣдствіе того, и при настоящихъ расположеніяхъ о Грузіи, желаемъ Мы прежде всего удостовѣриться: *Первое*. Дѣйствительно ли внутреннее положеніе сей страны таково, что съ едиными силами своими, не можетъ она ни противустоять властолюбивымъ притязаніямъ Персіи, ни отразить набѣги облегающихъ ее горскихъ народовъ, ни потушить внутреннія вражды междуусобною войной ей грозящія; что оставить ее царствомъ отдѣльнымъ и самобытнымъ на произволъ судьбы, было бы несвойственно величеству Имперіи, издревле ей покровительствующей, ни Нашему великодушію. *Второе*. На собственномъ ли убѣжденіи необходимости и отечественной пользы, основано было преклоненіе царства сего подъ Россійскую Державу и единодушно ли всѣ высшія состоянія и народъ признали поступокъ сей себѣ во спасеніе . . . . »

Государь Императоръ повелѣлъ Кнорингу отправиться въ Грузію, обозрѣть ее и на случай, если Грузія будетъ присоединена къ Имперіи, составить положеніе объ ея управленіи.

« . . . . Вы будете при семъ имѣть въ виду, что не для Россіи присоединяется сей народъ къ Имперіи, но собственно для него; что не нашихъ пользъ Мы въ семъ ищемъ, но единственно его покоя и безопасности . . . »

Въ слѣдствіе сего Высочайшаго порученія, генералъ Кнорингъ прибылъ изъ Георгіевска въ Грузію, 23 Мая, и, обозрѣвъ царство, донесъ Государю:

« . . . . Внутреннее и внѣшнее подоженіе страны сей дѣйствительно таково, что, съ однѣми силами своими не можетъ ни противудѣйствовать властолюбивымъ притязаньямъ Персіи, ни отражать набѣги облегающихъ ее горскихъ народовъ. . . . . Всѣ основательно размышляющіе, совокупно со всѣми прочими состояніями грузинскаго народа, искренно желаютъ быть въ подданствѣ Россіи. . . »

Этотъ отвѣтъ рѣшилъ судьбу Грузіи—Манифестъ о присоединеніи царства къ Имперіи и объ устройствѣ въ преобразованной изъ него губерніи, администраціи Русской,—послѣдовалъ 12 Сентября 1801 года.

Такъ присоединилась Грузія къ Монархіи Россійской. И при усиліяхъ ея могущества, только послѣ 1829 года, прежнее царство могло быть окончательно успокоено, и обезпечено извнѣ отъ всѣхъ притѣсненій и притязаній сосѣдей,—кровью русскаго воинства и дальними побѣдами.

Послѣ всего этого, могли ли такія глубокія раны зажить въ двадцать лѣтъ; могла ли Грузія, въ такое еще короткое время спокойствія разцвѣсть въ полномъ благоденствіи и равняны ея украситься городами и обширными нивами. Къ тому же, самые обычаи и древнее помѣстное право, въ отношеніи крестьянъ, законы царя Вахтанга, въ честь поставляющіе нераздѣльность имѣній между многочисленными членами фамилій,—препятствуютъ развитію сельскаго хозяйства и промышленности.

Но уже замки, крѣпости и храмы на горныхъ высяхъ, въ недоступныхъ дебряхъ, предоставлены запустѣнію и крушенію времени. Народъ довѣрчиво сошелъ въ долины, вырубаетъ на нихъ дремучіе лѣса, замѣняя ихъ нивами и виноградниками. Чрезъ три года по присоединеніи Грузіи къ Россіи, въ ней было только 30,348 дворовъ и въ нихъ заключалось 93,824 мужеск. и 75,520 жен., а всего, съ татарскими дистанціями, 169,344 душа обоего пола (*). Чрезъ 40 лѣтъ, въ тѣхъ же предѣлахъ уже считалось 251,117 мужеск. и 207,401 жен., а всего 468,518 душъ обоего по (**).

Въ 1802 году Грузія не могла прокормить 3 тысячи русскихъ войскъ; хлѣбъ покупался раницею. Въ татарскихъ дистанціяхъ, народъ, весь кочевой, не занимался земледѣліемъ; напротивъ, самъ покупалъ или вымѣнивалъ хлѣбъ на скотъ и развозимую имъ по краю соль. Въ самой Грузіи, только въ Кизикѣ (Сигнахѣ) и въ Горіи, сѣяли пшеницу; а прочія мѣста питались кукурузой, просомъ и ячменемъ, какъ теперь въ Осетіи и частію въ Имеретіи. Нынѣ же, несмотря на то, что вся Грузія, съ народонаселеніемъ увеличившимся въ два съ подовиною раза, питается пшеничнымъ хлѣбомъ, и что сбываетъ въ одинъ Тифлисъ до 150 тысячъ четвертей хлѣба, поставляетъ еще для продовольствія войскъ до 40 тысячъ четвертей пшеницы и до 30 тысячъ ячменя.

Вотъ послѣдствія защиты пріобрѣтенной Грузіею подъ мирнымъ кровомъ Россіи, подъ стражею желѣзной руки ея воинства, неусыпной дѣятельности и безчисленныхъ пожертвованій правительства. Слова рескрипта Александра Благословеннаго: «не для Россіи присоединяется сей народъ къ Имперіи, но собственно для его, не Нашихъ пользъ Мы въ семъ ищемъ, но единственно его покоя и безопасности»—исполнились и безпрерывно исполняются съ возрастающимъ рвеніемъ.

Дорожникъ раздѣленъ на четыре главные отдѣла: *I, Отъ Дарьяла до Тифлиса. II. Отъ Тифлиса до г. Кутаиса. III. Отъ Сурама чрезъ Ахалцихъ, Александрополь и Эривань, до станціи Салаоглы, IV. Отъ Салаоглинской станціи, чрезъ гг. Елисаветополь, Шемаху Баку и Кубу, до Дербента.* Кромѣ городовъ, крѣпостей, станцій, встрѣчающихся по этимъ трактамъ, г. Константиновъ говоритъ объ урочищахъ, деревняхъ лежащихъ по пути и вообще о всей странѣ, и представляетъ любопытныя статистическія цифры, извлеченныя изъ послѣднихъ офиціальныхъ данныхъ.

				И. Сл.		
— Казахской дистанціи . . .	7,832	—	2,329	—	—	
— Шамшадильской дистан.	11,302	—	10,412	—	—	
— Городѣ Горіи	714	—	574	—	—	
— Горійскомъ уѣздѣ.	19,904	—	15,342	—	—	
— Городѣ Сигнахѣ.	715	—	590	—	—	
— Сигнахскомъ уѣздѣ. . . .	18,334	—	15,342	—	—	
— Городѣ Телавѣ	43	—	608	—	—	
— Телавскомъ уѣздѣ	18,305	—	16.128	—	—	
— Городѣ Ананурѣ	184	—	171	—	—	
— Ананурскомъ уѣздѣ . . .	1.408	—	1,113	—	—	
Итого	93,824	—	75 520	—	—	

(*) По камеральному описанію 1842 года значится:

въ Тифлисскомъ уѣздѣ . . .	67.539	муж.	55,518	жен.	п.
— Горійскомъ. » . . .	39.260	—	36,156	—	—
— Телавскомъ » . . .	43,618	—	37,417	—	—
— Сигнахскомъ. » . . .	46.201	—	40,795	—	—
— трехъ татарскихъ дист.	54,499	—	37.515	—	—
Итого	251,117	—	207.401	—	—

(*) По камеральному описанію 1804 года считалось: въ городѣ Тифлисѣ. . . . . 2,735 муж. 2,691 жен. п.

въ Лорійскомъ уѣздѣ	2,252	—	1,656	—	—
— Борчалинской дистанціи .	9,396	—	8,363	—	—

ЕЩЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

(Продолженіе) (*).

Скоро послѣ того *Абу Саида* отдали въ ученіе и онъ усвоивъ себѣ съ чрезвычайною быстротою все, что ему ни преподавали, убѣдился, что ему болѣе нѣтъ достойнаго учителя въ деревенской школѣ и отправился въ *Мервъ*. Тамъ въ теченіи 5-ти лѣтъ слушалъ онъ уроки *Абу Абдуллы Хасри*, потомъ, по смерти его, поступилъ въ ученики къ *Имаму Кефалю*, у котораго онъ также учился 5-ть лѣтъ. Тутъ то вѣроятно пріобрѣлъ онъ тѣ глубокія свѣдѣнія, которымъ удивляется его біографъ, приводящій, что онъ зналъ наизусть 30,000 Арабскихъ стиховъ, изучилъ всѣ науки, былъ замѣчательнымъ поэтомъ и былъ до такой степени забавенъ въ разговорѣ, что съ страннымъ отсутствіемъ скромности самъ говорилъ про себя: что скука бѣжитъ той бесѣды гдѣ присутствуетъ *Абусандъ*. Поглотивъ такимъ образомъ въ 10 лѣтъ огромный запасъ восточной премудрости, онъ отправился въ *Сарахсъ* и тамъ поступилъ въ *Мюриды* къ Шейху *Абу Али Захири*. Но какъ ни строги были правила новаго его учителя, асцетизмъ *Абусанда* былъ не удовлетворенъ ими; воображеніе его, разпаленное религіознымъ фанатизмомъ искало чего нибудь болѣе труженическаго. И въ этомъ то тревожномъ состояніи духа судьба свела его съ знаменитымъ Шейхомъ *Абульфязломъ Хассаномъ* (*), который ему прямо сказалъ, чтобы онъ не искалъ истины потому пути, по которому онъ шелъ доселѣ; а обратился бы къ строгому одинокому созерцанію. Совѣтъ этотъ вполнѣ соотвѣтствовалъ тайному разположенію его, онъ возвратился въ *Мехине* и сѣлъ въ углу своего дома, положивъ себѣ 7-мь лѣтъ не вставать съ мѣста, воздерживаясь отъ сна и повторяя сколько можно чаще слово *Аллаху*, чтобы изгнать изъ своихъ помысловъ все, кромѣ священнаго имяни Бога. Въ первое время ему трудно было преодолѣть слабость плоти и часто сонъ грозилъ успокоеніемъ прервать жаркія асцетическія занятія, но тогда, говоритъ нашъ легковѣрный біографъ, Провидѣніе посылало ему добрыхъ *джиновъ*, пробуждавшихъ его и поощрявшихъ его произносить имя Бога. Въ это время платьемъ ему служила одна рубашка, которой онъ никогда не перемѣнялъ, но когда отъ вѣтхости она раздиралась, то онъ заплачивалъ ее и наконецъ, заплагъ на ней было столько, что авторъ *Тазкирати Аулія*, не шутя говоритъ, что она вѣсила 20 мановъ т. е. на худой конецъ 160 ф. Пищи онъ тогда почти не принималъ, довольствуясь однимъ небольшимъ ячменнымъ хлѣбомъ, который онъ съѣдалъ не прежде заката солнца, соблюдая такимъ образомъ строжайшій мусульманскій постъ. Можно себѣ представить, съ какимъ страшнымъ настроеніемъ воображенія онъ достигъ конца наложеннаго на себя срока созерцанія, и ему все таки еще казалось, что плоть его не довольно умерщвлена; онъ замѣнилъ пятикратныя частныя омовенія, *гуслемъ*, т. е. погруженіемъ всего тѣла въ воду и рѣшился удалиться въ пустыню и тамъ питаться одною травою. Изъ сказаннаго выше объ окрестностяхъ *Сарахса*, читателю легко убѣдиться, что всякому жителю *Мехине* не далеко было искать пустыни, она начиналась во всемъ уныломъ величіи своемъ, непосредственно за оградою послѣдняго сада, за послѣднею канавою, вызывавшею влагою своею кое какую растительность. Потому *Абу Саидъ* скоро нашелъ желаемое уединеніе, гдѣ онъ могъ подъ палящимъ небомъ, на безплодной выжженной землѣ, одинъ, не развлекаемый шумомъ людской жизни, съ дикимъ увлеченіемъ больнаго воображенія, предаваться всей сладости того совершеннаго самозабвенья, котораго послѣдователи *Таригата* достигаютъ, сосредоточивая и ограничивая всю умственную и физическую дѣятельность свою въ однообразномъ и частомъ повтореніи имяни Бога, произношеніе коего дѣлается скоро невольнымъ и періодическимъ.

Такимъ образомъ прошелъ мѣсяцъ и *Абу Саидъ* не думалъ возвращаться домой; наконецъ долгое отсутствіе его и неизвѣстность куда онъ скрылся, заставили отца его, отправиться отыскивать его и онъ скоро нашелъ его и привелъ домой. *Абу Саидъ* обезсиленный долгимъ и упорнымъ созерцаніемъ, повиновался ему какъ ребенокъ и безпрекословно послѣдовалъ за нимъ.

(*) Смотри Кавказъ № 76 и 85.

(*) Здѣсь къ стати замѣтить довольно грубую ошибку сдѣланную *Бёрнсомъ* на 22 стр. III-го тома французскаго перевода его путешествія въ Бухару, гдѣ онъ говоритъ, что видѣлъ въ *Сарахсѣ* гробницу *Шейха Абуль Фазла Хассана*, что вполнѣ согласно съ указаніемъ *Хаджи Хальфа* loco citato, который описавъ *Сарахсъ* присовокупляетъ: «въ этомъ городѣ изъ благо«словенныхъ гробницъ славнѣйшія суть: гробницы *Саа«ди Тафтазани* и *Шейха Абуль Фазля Хассана*»; но *Бёрнсъ* говоритъ далѣе: «Il vivait il y a 224 ans et se «nommait Aboul Fazil Housn, comme on le voit par une «inscription de son séprulcre il est encore révéré par les «Turcomans.» А такъ какъ *Бёрнсъ* былъ въ *Сарахсѣ* въ 1833 году, то смерть *Абуль Фазла* должна быть по этому придтися въ 1609 году т. е. ровно 561 годъ послѣ смерти *Шейха Абу Саида*, который такимъ образомъ съ трудомъ могъ бы у него учиться, и даже съ трудомъ могъ бы быть названъ ученикомъ его въ *Хабибъ уссіаръ* у *Хондемира*, сочиненія котораго *Г. Дорнъ* весьма справедливо заключилъ между 1500 и 1530 годами нашего лѣтъ счисленія. (См. Sehir Eddin Gesch. v. Tabar. Ruj und Mazanderan. Vorwort p 43). Вообще должно сказать, что въ этомъ отношеніи Англійскіе ученые чрезвычайно легки и что подобныхъ, хотя и не столь крупныхъ ошибокъ, не избѣгли ни Моріеръ, такъ хорошо знавшій востокъ, ни Фрезеръ, ни Малькольмъ, ни многіе другіе.

Но не жилось ему въ четырехъ стѣнахъ дома, душа его, уязвленная страстью къ пустынножительству, рвалась въ дикое безлюдье и онъ часто уходилъ въ пустыню и былъ опять силою возвращаемъ домой. Наконецъ родные его, замѣтилъ и, что днемъ онъ былъ покоенъ, но ночью скрывался куда то и возвращался домой въ страшномъ утомленіи. Отецъ рѣшился запирать его на ночь, и однажды услыхавъ, что сынъ его пересталъ причитывать обычную молитву, что дыханіе его ровно и мѣрно, онъ самъ легъ спать; но скоро былъ разбуженъ шумомъ въ комнатѣ *Абу-Саида*, который нашелъ способъ отворить удерживавшую его дверь. Тогда онъ издали послѣдовалъ за нимъ, чтобы узнать наконецъ, что сынъ его дѣлалъ ночью съ такою таинственностью. *Абу Саидъ* вышедши изъ дому, направился къ развалинамъ караванъ-сарая *Мехине*, за которымъ была выстроена уединенная мечеть.

Вошедъ на дворъ мечети, онъ подошелъ къ глубокому колодцу, вырытому по срединѣ его, положилъ поперегъ его отверстія толстую палку, и доставъ веревку, привязалъ одинъ конецъ ея къ срединѣ этой палки, а другимъ опуталъ свои ноги, накрѣпко связалъ ихъ потомъ бросился въ колодезъ головою внизъ и до утра провисѣлъ тамъ въ такомъ положеніи, повторяя громко и протяжно стихи корана.

Только что заря начала заниматься и призывъ муэззина раздался надъ головами сонныхъ мусульманъ, онъ вылѣзъ изъ колодца, отправился въ развалины караванъ-сарая, совершилъ тамъ омовеніе и утренній намазъ и тихонько возвратившись домой, легъ отдохнуть, послѣ тяжкаго истязанія, коему онъ подвергъ себя (*). Такъ проводилъ онъ обыкновенно ночи; днемъ же прислуживалъ дервишамъ, собиралъ по деревнѣ подаяніе, которое тутъ же раздавалъ бѣднымъ и, чтобы еще болѣе умалить себя и убить въ себѣ послѣднія остатки гордости и самолюбія, принималъ на себя самыя нечистыя и презираемыя работы. Между тѣмъ труды эти не мѣшали ему предаваться созерцанію и когда умъ его встрѣчалъ какое нибудь духовное сомнѣніе, котораго онъ не могъ разрѣшить собственными силами, то, прибавляетъ нашъ біографъ, онъ отправлялся въ *Сарахсъ* къ своему учителю, совершая путешествіе это въ воздухѣ между небомъ и землею, головою внизъ. Когда такимъ образомъ *Абуль Фазлъ* убѣдился, что ученикъ его достаточно искушенъ, что духъ его приготовленъ къ высокому, по понятіямъ Мусульманъ, званію дервиша, онъ приказалъ ему идти къ *Абу Абдуррахману Сальми*, чтобы отъ него принять дервишское облаченіе, и съ его святою молитвою надѣть на себя *хиргу* (*). Послѣ этого шага, важнаго въ жизни дервишей, закрывающаго отъ нихъ тихую жизнь мирянина, посвящающаго ихъ навсегда бездомному скитальчеству, холоду и голоду большихъ дорогъ и степей, и оставляющему имъ одно только наслажденіе: воображаемое соединеніе съ существомъ Бога, чрезъ совершенное отреченіе отъ собственнаго бытія, *Абу Саидъ* возвратился къ своему учителю и съ смиреніемъ припалъ къ его ногамъ. Тотъ поднялъ его и сказалъ: «Свершилось, теперь иди въ *Мехине* и обращай народъ къ Богу.» Но *Абу Саидъ* все еще не довѣрялъ собственнымъ силамъ и рѣшился новымъ искусомъ въ пустынѣ сдѣлаться вполнѣ достойнымъ проповѣдничества. Вышедъ изъ *Сарахса*, онъ выбралъ для себя скитъ далекій отъ всякаго жилья, и тамъ, окруженный дикими звѣрьми и питаясь, какъ увѣряетъ его біографъ, репейникомъ и колючками, пробылъ 7 лѣтъ въ глубокомъ уединеніи. Сосредоточивъ всѣ мысли свои на ничтожествѣ плоти, онъ скоро достигъ того верховнаго блага дервишей и факировъ, полнаго и совершеннаго самозабвенія, которое дѣйствительно даетъ тѣлу ихъ особыя свойства, какъ бы недоступныя организму прочихъ людей. Въ ветхомъ рубищѣ сидѣлъ онъ цѣлые дни подъ лучами палящаго Хорасанскаго солнца и оно не жгло его тѣла, холодная ночная роса покрывала его своею губительною влагой, пронзительный сѣверный вѣтеръ теребилъ его косматые волосы, нетронутые гребнемъ и бритвою, зимнія бури осыпали обледѣнѣлымъ дождемъ и снѣгомъ его ноги ослабленныя воздержаніемъ; но онъ ничего не чувствовалъ, гдаза его съ безумною неподвижностью смотрѣли по направленію къ Меккѣ, а губы и языкъ лепетали грустно-однообразный звукъ арабскаго—имени Бога. Наконецъ, говоритъ его біографъ, однажды, при сильныхъ порывахъ горнаго вѣтра почувствовалъ онъ холодъ, и это человѣческое чувство привело его въ самосознаніе, изтощеніе силъ болѣзненно напомнило ему, что онъ не отдѣлился еще отъ этого міра. онъ вспомнилъ о своемъ назначеніи и направился къ людскому жилью. Было уже темно когда онъ приблизился къ одному дому, чрезъ полу-разтворенную дверь коего, свѣтъ яркою, дрожащею полосою стелился по черному грунту степи. *Абу Саидъ* боязливо подошелъ къ этому жилью и не разтворяя двери, смиренно спросилъ жильцовъ его, не отвергнутъ ли они гостя. Услышавъ привѣтъ приглашенія, онъ нерѣшительно вошелъ въ комнату и присѣлъ у порога. Передъ ярко горѣвшимъ очагомъ, на убогомъ коврѣ сидѣли старикъ со старухой, приготовлявшіе себѣ ужинъ. Животворное дѣйствіе тепла, разспространявшагося отъ очага, и давно не вдыхаемый имъ въ себя паръ отъ пищи, приготовленной руками человѣка, еще болѣе привели его въ самосознаніе, онъ разсказалъ, пріютившимъ его, исторію своего пустынно жительства и склонился на убѣжденія ихъ возвратиться домой. (*Оконч. въ сл. №*).

(*) Я нисколько не хочу доказывать возможности этого факта, но приведу только то, что въ 1841, въ числѣ плѣнныхъ вышедшихъ изъ Хивы, послѣ Хивинской экспедиціи, мнѣ самому случилось видѣть и говорить съ однимъ человѣкомъ, провисѣвшимъ довольно долго внизъ головою. Вотъ какъ съ нимъ случилась эта бѣда. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, *Аллахъ Кули Ханъ*, отправляясь въ походъ, за что-то прогнѣвался на этого плѣнника; а такъ какъ гнѣвъ его рѣдко проходилъ безъ страшныхъ послѣдствій, то онъ велѣлъ повѣсить виновнаго за ноги. Приказаніе это было немедленно исполнено. Несчастнаго повлекли изъ дворца прямо по базарной улицѣ на большую площадь, находящуюся въ сѣверо-восточной части города и служащую лобнымъ мѣстомъ столицы Ханства Тамъ его вздернули на висѣлицу, съ нѣсколькими другими преступниками. Чувствуя что кровь сильно приливаетъ ему къ головѣ, что дыханье его спирается и что послѣдній часъ его насталъ, онъ судорожно сталъ метаться во всѣ стороны и той рукою конецъ веревки, на которой висѣлъ уже охладѣвшій сосѣдъ его, нѣсколько подняла свою голову и этимъ спасъ себя отъ немедленной апоплексіи. Между тѣмъ хану подвели украшеннаго золотою сбруею аргамака и онъ медленно выѣхалъ за городъ смотрѣть собравшіяся тамъ войска. Плѣнникъ не могъ мнѣ опредѣлительно сказать сколько времени провисѣлъ онъ, но вѣроятно это было довольно долго, потому, что вотъ чему онъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Уже гораздо послѣ выѣзда хана, вступило въ Хиву поколеніе Туркменъ, спѣшившее присоединиться къ ханскому войску; впереди ѣхалъ ихъ родоначальникъ; увидѣвъ на площади нѣсколькихъ повѣшенныхъ и замѣтивъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ признаки жизни, онъ рѣшился начать свой походъ добрымъ дѣломъ. Оставивъ своихъ спутниковъ въ городѣ, онъ поскакалъ догонять хана; подъѣхавъ къ нему, бросился съ лошади на земь и схвативъ обоими руками стремя его, просилъ подарить ему повѣшенныхъ. *Аллахъ-Кули* согласился; тогда Туркменъ полетѣлъ назадъ и издали кричалъ своимъ спутникамъ, что ханъ простилъ казненныхъ и что надобно торопиться ихъ отвязывать; но видя что они медленно исполняютъ его приказъ, выхватилъ саблю и самъ перерѣзалъ веревку на которой висѣлъ нашъ соотечественникъ, спасшійся такимъ образомъ отъ мучительной смерти и безсомнѣнія, еще доселѣ молящійся Богу за своего нежданнаго благодѣтеля. Впрочемъ, въ Тифлисѣ вѣроятно есть еще современники той эпохи когда здѣсь вѣшивали за ноги, и потому имъ въ собственныхъ воспоминаніяхъ не трудно будетъ найти подтвержденіе, или опроверженіе возможности подобнаго случая.

(*) Верхнее платье дервишей, въ родѣ абы.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ Редакціи газеты Кавказъ и въ магазинѣ первоначальнаго торговаго Депо,—поступилъ въ продажу Дорожникъ, по пути слѣдованія Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника, по Закавказскому краю, съ краткими описаніями. статистическими и историческими. Цѣна за экземпляръ 1 руб. сер.

Тамъ же продаются четыре части сборника газеты Кавказъ за 1847 и 1848 годы, въ небольшомъ числѣ оставшихся экземпляровъ, по 50 к. сер. за каждую часть, а за всѣ четыре книги 2 р сер.

Иногородныя лица, желающія выписать Дорожникъ, благоволятъ адресоваться: въ С. Петербургъ, въ книжный магазинъ Крашенинникова и въ Одессу, въ книжный магазинъ Тотти, съ присовокупленьемъ денегъ на пересылку за 1 ф.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ ВЪ ТИФЛИСѢ. 1850 ГОДА.

Часы набл.	Термометръ Р°. Сухой.	Термометръ Р°. Смоч.	Сырость воздуха	Барометръ при 13 1/2° Р. Русск. полулин.	Направленіе вѣтра.	Состояніе неба.	Наименьшая Темпер. Рео.
28 го Октября.							
7 утра.	+ 6,0	+ 4,2	0,76	560.71	Тихо.	Обл. раз.	
12 полд.	+ 9,0	+ 6.0	0,57	570,45	С. ум.	— — —	
4 попол.	+ 8,0	+ 5,4	0,62	570 14	С. сил.	— — —	+ 4,4
9 веч.	+ 5.2	+ 3.8	0,76	570 65	Тихо.	Обл. на гор.	
29 го Октября.							
7 утра.	+ 4,0	+ 3,0	0,92	570,19	Тихо.	Облачно.	
12 полд.	+ 8,4	+ 6,4	0,71	569 76	— — —	— — —	+ 3,6
4 попол.	+ 8,4	+ 6,6	0,74	568,39	Ю.оч.сл.	Обл. раз.	
9 веч.	+ 5.4	+ 4,2	0,80	568,00	Тихо.	— — —	
30-го Октября.							
7 утра.	+ 8,8	+ 2,9	0,83	566,02	Тихо.	Обл. мѣст.	
12 полд.	+ 8,1	+ 6,2	0,71	564,62	— — —	Облачно.	
4 попол.	+ 10 0	+ 7,0	0,60	563 15	— — —	— — —	+ 3.0
9 веч.	+ 8,0	+ 5,9	0,69	562 08	— — —	— — —	

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

ТИФЛИСЪ, 1 Ноября 1850. Цензоръ А. Раевскій-Крестьяновъ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Редакторъ О. Константиновъ